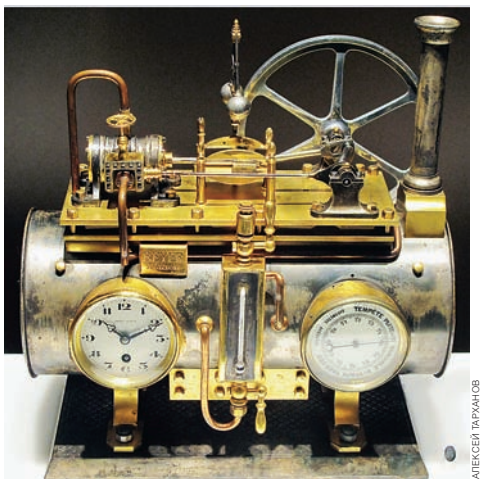
УДИВЛЕНИЯ УДОСТОЕННЫЕ
ФОНД BEYER НА SIHH 2011
ОСМОТРЕЛ СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__**Настольные часы** с боем и львом, раскрывающим пасть и машущим крыльями. Германия, 1640 год



АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__**«Паровая машина»** с часами термометром и барометром придумана французскими часовщиками в 1875 году

__**«Карманник»**, подписанный «Павелъ Буре» – единственные русские часы на Женевском салоне. Да и то механизмы этой русско-швейцарской дореволюционной марки производились в Швейцарии

__**Настольные часы** с мировым временем и репетиром сделаны знаменитой женевской мануфактурой Patek Philippe в 1938 году

__**Настольные часы** с будильником созданы в Германии около 1600 года

В дни Женевского салона SIHH рядом с марками, показывающими свои новинки, обязательно устраивают какую-нибудь историческую экспозицию, благо музеи Швейцарии закономерно богаты разными часовыми сокровищами. На сей раз своими вещами похвастался часовой музей семейного фонда Beyer из Цюриха. Экспонаты его собирались еще с 1940 года, и, к сожалению, из нескольких сотен в Женеву привезли только 78. Зато исключительно интересных.

Вещи из собрания Uhrenmuseum Beyer AG помимо прочего напоминают о том, что традиционное часовое дело не только искусство точности и аккуратности, но и искусство удивлять. Когда сын Дмитрия Донского, московский великий князь Василий I повелел установить в Кремле первые часы-куранты, летописец аж зашелся от восторга, рассказывая про это «часомерье», что оноде само звонит в колокол, «размеряя и разсчитая часы нощные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, странно-лепно некако; сътворено есть человеческою хитростию, преизмечтанно и преухищренно». Вот это «преизмечтанно и преухищренно» и приходит в голову, когда смотришь на первые шаги в приручении времени, превращавшие часы из монстра с зычным колокольным голосом, живущего на башне, во все более мелкую и симпатичную домашнюю живность.

Кстати, о живности: зооморфный вид у раннебарочных часовщиков их затейливые произведения иногда тоже приобретали. На выставке есть, к примеру, немецкие часы самого начала XVII века с венецианским львом святого Марка, который машет крыльями, водит глазами и открывает пасть (причем при льве — совсем по классику — есть собачка, тоже оживающая). Стереотипные форматы напольных, настенных и каминных часов — все это появится позже, а пока часы как будто ищут свою форму; ну, понятно, циферблат, стрелки (хотя стрелка сначала была только одна, часовая), но вот все остальное, каким ему надлежит быть? Массивной восьмиугольной тумбой, у которой циферблат расположен на верхней плоскости? Или раззолоченной башенкой, торжественной, как церковная дарохранительница? Причем с часами портативными, коих на выставке большинство, то же самое, только там этот процесс формальных поисков был более прямолинейным. Вот знаменитые «нюрнбергские яйца» середины XVI века, вот нарядные «луковицы» следующего столетия, а там уж и рукой подать до привычной формы карманных часов.

Хотя и тут достопочтенный лаконичный формат — белая эмаль циферблата, тонкий золотой ободок, ничего лишнего — прижился, похоже, не сразу. Кажется, что это произошло на излете XVIII века, и тут уж все соединилось: и строгость художественного вкуса, и революционный порыв. О позднем Просвещении, которое готово было славить нарождающийся промышленный переворот и безгрешную красоту совершенной машины, напоминают часы-«скелет» времен Директории, где за декоративность отвечают только сами шестерни. А о революционных нравах — часы-гибрид, показывающие и нормальное время, и время по революционной шкале, делившей день на десять часов, а час — на сто минут.

Правда, первая половина XIX века на выставке куда как пестра: здесь и дамские часы, украшенные эмалью и драгоценными камнями или упакованные в брошь, миниатюрную скрипочку или финифтяную вишенку, и явно мужской образчик, в котором под крышкой припрятана оживающая порнокартинка. Среди более поздних раритетов — игрушечная паровая машина от Beyer (1875 год), в которую вмонтированы часы, термометр и барометр, масонские часы в форме треугольника, усыпанного соответствующей символикой (1925 год), а также часы от поставщика русского императорского двора Павла Буре (ок. 1905 года) — один из редчайших экземпляров, на крышке которых красуется императорский орел. Так получилось, что эта историческая мемория на выставке из цюрихского музея — единственное на Женевском салоне свидетельство существования России на часовой карте мира.